

Уильям де Вер

Христианство против гуманизма

Оригинал: William de Vere. Christianity contra Humanism

Источник: <https://counter-currents.com/2022/01/christianity-contra-humanism/>

Перевод с английского, 2022 г. На русском языке публикуется впервые!

Картина французского художника Шарля-Филиппа Ларивьера (ок. 1842 г.), изображающая битву при Монжизаре в 1177 году.

Если после конца древнего мира и существовала цивилизация, заслужившая право называться Возрождением, то это была цивилизация Средневековья. В своей объективности, мужественном духе, иерархической структуре, своей гордой антигуманистической простоте, так часто пропитанной чувством священного, Средневековье представляло собой возвращение к истокам. – Юлиус Эвола [1]

Примечание автора: я предлагаю читателям это эссе как своего рода реакцию на недавнюю статью Роберта Хэмптона «Является ли Америка более 'христианской нацией', чем когда-либо прежде?» Это не совсем ответ, так как это эссе продумывалось мною уже довольно давно; и оно не является опровержением, поскольку вывод господина Хэмптона о том, что приверженцы «теологии социальной справедливости» используют модифицированную, секуляризованную христианскую систему верований (и, возможно, даже верят в них) для продвижения своих планов, неоспорим. Возможно, более уместно было бы обозначение «дополнение» или «сноска». Моя цель состоит в том, чтобы возразить современному изображению христианства как его сторонниками, так и врагами, как прото-левой религии человека, и установить, что эта секуляризованная теология является не «модификацией» данной веры, а, скорее, ее бастардизацией. Я не ожидаю, что это эссе подействует на откровенных противников христианства или вызовет переоценку своих взглядов у христианских апологетов Нового порядка. Тем не менее, я надеюсь, что оно послужит для исправления некоторых современных ересей, сыграет определенную роль в восстановлении важного аспекта нашего европейского наследия и поможет тем, кто все еще верен вере наших отцов, по-новому взглянуть на свои убеждения.

В то время как определения «гуманизма» варьируются от довольно банальной сосредоточенности на человеческих потребностях до возрождения классической литературы в пятнадцатом веке, современный гуманизм чаще всего определяется его атеизмом, эгалитаризмом и прогрессивными политическими взглядами. Подходящее определение этой идеологии со всеми обязательными избитыми штампами дано в журнале *Humanist*:

«Гуманизм – это рациональная философия, опирающаяся на науку, вдохновленная искусством и мотивированная состраданием. Утверждая достоинство каждого человека, он поддерживает максимальное увеличение индивидуальной свободы и возможностей, согласующихся с социальной и планетарной ответственностью. Гуманизм выступает за распространение демократии участия и расширение открытого общества, борется за права человека и социальную справедливость».

Гуманизм на современном Западе обычно изображается как наследие итальянского Возрождения, которое само по себе понимается учеными-классиками как бунт против средневекового христианства, отрешенного от всего земного. В настоящее время, однако, господствующее христианство твердо придерживается гуманистических позиций: римский понтифик лирически воспекает «бесконечное достоинство каждого человека», а как католическая, так и основные протестантские церкви продвигают некий вариант социальной справедливости, который ставит материальное благополучие выше любой традиционной озабоченности спасением душ, привитием добродетели или духовной трансцендентностью. Иными словами, наиболее широко распространенное

христианство стало де-факто религией человечества – той, которая чаще всего поклоняется его самым низменным представителям.

Эта современная религиозно-гуманистическая перспектива, восходящая к многовековой «феминизации христианства» и заражению многих сект модернистскими ересями, такими как теология освобождения, естественно, отталкивает от себя людей классического, консервативного и реакционного духа. В действительности, несмотря на свое высокомерное представление о себе как о вестниках возрожденной классической цивилизации, многие крупные деятели итальянского Возрождения просто переняли безбожие, материализм и худшие излишества имперского язычества, а не холодное благочестие Древнего Рима. Их гуманизм был отказом от трансцендентного и глубоко религиозного этоса классической цивилизации, и именно эту более мягкую версию такого гуманизма мы видим сегодня во многих церквях. Этот слабоумный, безвольный морализм представляет тот тип христианства, который справедливо критиковал и высмеивал Ницше.

Однако именно вера исторического христианства – адаптация древнего христианства к греко-римскому и франкскому обществу, которую я, вслед за Освальдом Шпенглером, называю «готическим христианством», – дала нам возвышающиеся к небесам соборы, рыцарские ордена, рыцарский кодекс, и средневековые легенды о Граале. В качестве исправления современных недоразумений я предлагаю следующие тезисы.

1. Готическое христианство элитарно и иерархично, а не эгалитарно.

Христианство учит, что все души будут судимы Богом после смерти. Это не означает, что все такие приговоры будут иметь одинаковый результат. Это также не означает, что люди равны в каком-либо другом отношении. Это значит, что королей будут судить так же, как и крестьян, и крестьянин, который живет праведно и хорошо выполняет свою роль, получит более благосклонный приговор, чем неумелый и порочный король. Следовательно, существует духовная иерархия, хотя она может и не обязательно соответствовать земной. Такие посмертные суды распространены среди религий мира, но я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь обвинял Египет времен фараонов в эгалитаризме.

Современная ассоциация христианства с демократическим эгалитаризмом является формой ереси, неизвестной ранней церкви. В самом деле, в отличие от сентиментального утверждения современных христиан о том, что все люди – «дети Божьи», готическое христианство было склонно рассматривать большинство людей немногим лучше животных, а на самом деле даже хуже. Истинная человеческая жизнь – это жизнь разума, добродетели и благочестия, и тех, кто предается чувственным удовольствиям и пороку, обычно считают недочеловеками. Нельзя называть всех людей без разбора детьми Божьими, а

только тех, которые идут по пути «нового человека» или «подвижника Христа»; как пишет Святой Павел: «Сей самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы – дети Божии. А если дети, то и наследники, наследники Божии, сонаследники же Христу, если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться». (К Римлянам, 8:16-17).

Готическое христианство признало, что между людьми существуют различия в отношении дарований, добродетелей и родословных. Простое обладание душой еще не означает, что эта душа хорошо используется, и некоторые люди не способны к самоуправлению и поэтому должны управляться другими людьми, более добродетельными и мудрыми. Именно по этой причине раннее христианство приняло монархию и рабство. Это было подкреплено Отцами Церкви, которые получили дальнейшее обоснование в трудах греков и римлян. Точно так же некоторые люди благодаря благодати и усилиям более способны достичь *theosis* (обожествления) и стать святыми в этом мире смертных. Община святых состоит не только из монахов, священников и отшельников, но включает также королей и воинов: Жанну д'Арк, Мартина Турского, Людовика Благочестивого.

В отличие от современных учений, которые заставляют нас поверить, что все мы якобы могли бы стать миллионерами и знаменитостями, если бы эти угнетающие социальные системы не продолжали нас унижать, в традиционном христианском взгляде есть определенный элитаризм. В отличие от других видов элитаризма, он основывается не на богатстве, происхождении или знании доктрины, а на духовном качестве. Благодаря благодати, аскезе, вере и добрым делам все потенциально могут достичь высшего состояния после смерти, но только очень немногим дано достичь такого состояния при жизни. Еще раз важно отметить, что обладание высшими дарованиями не дает обладателю права на несправедливые привилегии или жестокость. В действительности для этого требуется смиренная и самоотверженная жизнь: «Большой из вас да будет вам слуга». Христианин не живет для себя, а жертвует собой, чтобы служить своему Богу и своему народу. Снова процитируем апостола Павла: «Итак умоляю вас, братия, милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего». (К Римлянам, 12:1).

2. Конечные цели готического христианства – освобождение, спасение и трансцендентность, а не всеобщее материальное благополучие.

Точно так же, как иногда думают, что оно проповедует равенство всего человечества, христианство то хвалят, то порицают за то, что оно ставит всеобщее улучшение человеческого благосостояния выше всех других забот. Утверждается, что это якобы конечный результат теологии всеобщей «любви» и «милосердия».

В английском языке мало слов, употребляемых более неправильно, чем «любовь». Когда пасторы основных конфессий и поп-звезды восторженно говорят о том, что «Бог есть любовь», или ссылаются на утрированную до уровня поздравительной открытки версию Первого послания к Коринфянам («любовь терпелива, добра» и т. д.), то вся эта идея, естественно, звучит довольно женоподобно и отталкивающе для представителей реакционного темперамента. Как это слово используется в Новом Завете, «любовь» – это перевод латинского слова *caritas*, и его часто употребляемое родственное слово – «милосердие» (*charity*) – вряд ли звучит лучше для современных ушей. Оно вызывает в воображении образы суповых кухонь, чековых книжек и актрисы Салли Струтерс, известной своей благотворительной активностью, и, хотя само по себе похвально, оно не может охватить радикальный характер данной концепции. «Милосердие» и «любовь», к сожалению, стали синонимами современных идеологий социальной справедливости, тем самым низводя традиционное христианство до формы буржуазной филантропии (в лучшем случае) или революционной идеологии (в худшем).

Caritas – это латинский перевод греческого слова *Agape* (*agape*). Оба слова обозначают тот тип любви, доброты или доброжелательности, который наиболее точно применим к любви Бога к человечеству, имея в виду радикальное самопожертвование и великодушие. С точки зрения Христа Победителя на искупление, Воплощение Христа, жизнь служения, жертвенная смерть и Его триумфальное Воскресение были предприняты для освобождения человечества от Князя мира сего и всех его ловушек, одной из которых был сухое законничество иудейского закона, которое сделало близость человека к Богу чисто юридической сделкой. В этой интерпретации через вмешательство Христа человеку предлагается возможность подлинной трансцендентности, союза с Богом или блаженного видения. *Caritas* – это теологическая добродетель, посредством которой нам предписывается подражать радикальной и самоотверженной *Агапе* Бога в стремлении реализовать собственную божественность. Освальд Шпенглер противопоставляет sentimentalный морализм сегодняшних прихожан радикальному и динамичному *Caritas* готического христианства:

*Но мы не должны смешивать это сочувствие в большом религиозном смысле с туманной sentimentalностью обыденного человека, который не может владеть собой... То, что в цивилизованные времена называется социальной этикой, не имеет ничего общего с религией, и ее присутствие лишь показывает слабость и пустоту современной религиозности... Но сострадание также требует внутреннего величия души, [примером которого являются] самые святые слуги сострадания, Франциск Ассизский, Бернар Клервоский, для которых самоотречение было всепроникающим благоуханием, для которых самопожертвование было блаженством, чья *caritas* была эфирной, бескровной, вневременной, вне истории, в которых страх перед вселенной растворился в чистой, безупречной любви. [2]*

Эта *caritas* действительно включает в себя акты милосердия и филантропии, безусловно, и как выражения религиозной веры, и как положительные блага ради них самих. Но это не конечная цель духовной практики, которая состоит в достижении более высокого состояния бытия. И хотя современное христианское социальное учение хочет заставить нас поверить в обратное (см., например, «бесшовное одеяние жизни», которое низводит католическую этику до поддержки современных представлений о социальной справедливости с налетом сексуальной скромности) вклад во всеобщее материальное благополучие людей – не единственное возможное выражение *caritas*. На самом деле содействие материальному благополучию человека и сохранению жизни иногда совпадает с истинной благотворительностью. Избыток комфорта и материального благополучия может иметь негативные последствия для человеческого духа и напрасно разрушать другие человеческие жизни, а также целостность природного мира, который является выражением божественной красоты, а не просто хранилищем для материального потребления человечеством. Более того, готическое христианство отдавало предпочтение многим вещам в сравнении с простым сохранением человеческой жизни или материальным благополучием, включая спасение душ, поддержание общественного порядка, отправление правосудия и защиту общества от тех, кто может причинить ему вред. *Каритас* не требует, чтобы человек приносил в жертву свой собственный народ или общину туманному «человечеству», поскольку христианская традиция утверждает существование реальных этнических, культурных и расовых различий, которые сами по себе считаются божественным даром.

В конечном счете, хотя христианство не потворствует жестокости и не безразлично к человеческим страданиям, его высшим земным благом является создание общества, согласованного с волей Бога и поддерживающего человеческую трансцендентность. Как писал Эвола: «Совершенствование человека – вот цель каждого здорового общественного строя, который обязан всячески способствовать этому». Работа по достижению этой цели сама по себе является формой *caritas* – подлинной доброжелательности и великодушия – гораздо большей, чем простая гуманистическая мораль.

3. Готическое христианство теоцентрично, а не антропоцентрично.

Следствием этого распространенного заблуждения о том, что христианство главным образом озабочено улучшением материального благосостояния людей, стало то, что как критики, так и сторонники христианства часто изображают его как явно ориентированное на человека или «антропоцентрическое» вероучение, которое заинтересовано исключительно в человеческом благополучии и практическом опыте рода людского. На это часто обращают внимание экологические критики, которые, подобно Линну Уайту-младшему в известном эссе, интерпретируют библейские предписания «наполнять Землю и обладать

ею» и «плодиться и размножаться» как приглашение к массовому истреблению и приручению мира природы. Это правда, что эта интерпретация охотно принималась многими христианами на протяжении всей истории (особенно на ум приходят пуритане). Однако на самом деле христианство теоцентрично, а не антропоцентрично, т. е. оно ориентировано на Бога, а не на человека. Христианство рассматривает Бога как источник всего Бытия, а Землю и ее мириады существ как творения Бога и именно по этой причине обладающие достоинством. И хотя творение не равно по достоинству самому Богу, это не значит, что оно заслуживает меньшего уважения, должного внимания и разумного руководства.

Если христианство кажется особенно сосредоточенным на человечестве, то это потому, что это религия для людей и, следовательно, имеет дело с особыми чертами человеческой жизни. Более того, это особенно интроспективная религия, требующая тщательного изучения и самоанализа, и вполне естественно, что религиозные и богословские сочинения будут посвящены главным образом движениям человеческого духа. Однако это не умаляет природного мира. В традиционной христианской мысли до расколов и реформации второго тысячелетия «Книга природы» почиталась наравне со Священными Писаниями. Гностицизм, возможно, мог рассматривать материальный мир как зло, но традиционное христианство, как и неоплатонизм, отвергает эту точку зрения. Христианство обвиняют в том, что правильнее было бы отнести к антропоцентризму и материализму эпохи Просвещения – периода, когда христианство находилось в упадке.

Важно также отметить, что возвышенное место, данное человечеству в христианстве – наместники Бога, домостроители Творения – не относится к человеку в его падшем состоянии. Первоначально оно было даровано Адаму и его потомкам до грехопадения, и поэтому правильно применяется только к людям, которые обрели изначальное состояние чистоты, мудрости и бессмертия. Со времен Адама ни один человек, кроме самого Христа, не достиг этого состояния, а другие, подошедшие к нему ближе всего – прославленные как святые – заметно отличались от деспотичного, антропоцентрического жупела современного воображения.

Люди очень малы и ничтожны по сравнению с могуществом Бога и космоса, и из-за нашей испорченной воли пали ниже других существ, которые в значительной степени сохранили свою первоначальную божественную природу. Люди даже не самые могущественные из созданных существ; они, конечно, уступают ангелам в мудрости и могуществе. Следовательно, хотя человек и способен достичь больших высот, но из всех известных существ только один он способен на зло. Как пронциательно писала Савитри Деви, отнюдь не сторонница христианства:

[Человек] из всех живых существ на Земле единственный, где среди одной и той же расы есть элиты и физические, умственные и моральные отбросы; единственный, который, не будучи строго определенным своим видом, может подняться (и иногда поднимается) над ним, пока не сливается (или почти сливается) с превосходящим его идеальным прототипом: сверхчеловеком... но он также может опуститься (и фактически опускается все более и более в эпоху, в которую мы живем) ниже не только того минимального уровня ценности, который можно ожидать найти в своей расе, но и ниже всех живых существ – те узники безусловного инстинкта и практического разума, полностью поставленные на службу этому инстинкту, неспособные восстать против неписаных законов своего бытия, другими словами, согрешить. [4]

В конечном счете, высшее призвание человечества состоит в том, чтобы преодолеть свое падшее состояние – свое отделение от воли Бога и законов природы – и служить наместником, управителем, исследователем и ценителем сотворенного мира, стремясь познать трансцендентное бытие и соединиться с ним. Как и в мысли Хайдеггера, человек – это не просто «мыслящее животное», предназначенное для господства над другими существами в качестве их физического хозяина. Он призван скорее быть «пастухом Бытия». [5] Чистый гуманизм есть чрезвычайно низкое понимание истинного предназначения человека.

4. Готическое христианство воинственное, а не миролюбивое или квиетистское.

Хотя Земля и мириады ее существ являются творением Бога и поэтому пропитаны божественностью, факт остается фактом: мир подпал под власть Врага и полон его ловушек и нечестия. Готическое христианство всегда было воинствующим мировоззрением, подчеркивающим непрестанную борьбу «против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной». К. С. Льюис призывал христиан относиться к миру как к «оккупированной территории», а к самим себе как к тайным агентам: «Христианство – это история о том, как законный король высадился, можно сказать, переодетый, и призывает нас принять участие в великой кампании саботажа».

Напротив, левые сторонники современного псевдохристианства, а также их критики часто утверждают, что, мол, истинное благочестие требует отказа от насилия, самозащиты, осуждения и резких выражений. Это изображение Христа как безобидного учителя любви и покорности игнорирует Его увещание, что Он пришел «не мир принести, но меч»; Его наставление своим ученикам, что «тот, у кого нет меча, пусть продаст свой плащ и купит меч»; Его похвала за веру сотника; Его насильственное изгнание менял из храма; Его постоянные осуждения лицемерных фарисеев; Его зловещие притчи об отделении

пшеницы от плевел и овец от козлиц; и Его проклятие смоковницы. *Каритас* является результатом христианской любви к Богу, распространяющейся в конечном счете на всех существ (даже на тех, кто мало что делает, чтобы заслужить ее). Но она не исключает осуждения и достигает своих пределов, когда вступает в противоречие с другими аспектами божественного закона. И действительно иногда она может потребовать насилия.

Насилие – правило в этом падшем мире. Иногда необходимо защищать чистых и невинных от набегов и грабежей нечестивых. В то время как бессмысленное насилие, жестокость и грабеж абсолютно запрещены христианской этикой (что соответствует всем цивилизованным нравам), некоторые формы насилия были освящены. Это включает в себя священную войну, средство защиты невинных и своего народа от уничтожения; это также включает в себя судебное наказание тех, кто оскверняет священное, а также нечестивых и злых преступников, которые ниспровергают законы Бога и человека. По словам Святого Павла, «ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое». (К Римлянам, 13:4).

Вопреки христианскому пацифизму, который в наши дни то восхваляется, то порицается, христианин не обязан без протеста позволять злу овладеть Землей. По мере того, как мир становится темнее, восстание против Врага, вероятно, станет более жестоким. Догмат непротивления злу есть выход труса и служит лишь приближению торжества нечестивых. Насилие христианина должно носить отстраненный характер, совершаться из любви к Богу и своему народу, без ненависти и злобы; но оно, тем не менее, необходимо. Святой воин – это тот, кто приносит необходимую жертву, кто, будучи на службе Богу и человечеству, берет на себя вину и страдания, которые влекут за собой насилие. Эти люди, обладающие правом на насилие, поддерживают порядок и справедливость и поэтому играют определенную роль в спасении. Таково истинное значение седьмой заповеди блаженства: «блаженны миротворцы».

* * *

Гуманизм, как он определен в этом эссе, является псевдорелигией наших элит, внебрачным детищем иконоборцев эпохи Возрождения и философов Просвещения, низкопробной смесью из позднеклассического вырождения, женоненавистнического гностицизма и научного прогрессивизма, всего того, что привело к ужасному зрелищу современного мира.

Однако в наши намерения не входит полное очернение всего человечества. Современный гуманизм, оторванный от сакрального, рассматривающий человека лишь как «разумное животное» и лишаящий человечество доступа к трансцендентному измерению, на самом деле является величайшей клеветой

на человеческое существование. При самом беглом рассмотрении современного общества становится ясно, что оно может считаться «человекоцентричным» только в самом грубом, примитивном смысле, а во всем остальном оно оказалось враждебным человеческому духу. Истинный гуманизм должен основываться на уверенности в чем-то, выходящем за пределы человечества, и на благородстве нашего вечного поиска познания, служения и достижения единения с ним. В этом и заключается истинное «достоинство человека».

Примечания

[1] Julius Evola, *Revolt Against the Modern World*, trans. Guido Stucco (Rochester, Vt.: Inner Traditions, 1995), 309.

[2] Oswald Spengler, *The Decline of the West: An Abridged Edition*, trans. Charles Francis Atkinson (New York: Oxford University Press, 1991 [1926]), 322.

[3] Julius Evola, *Men Among the Ruins*, trans. Guido Stucco (Rochester, Vt.: Inner Traditions, 2002), 139.

[4] Savitri Devi, "Contempt of the Average Man," Глава 4 из *Souvenirs et réflexions d'une Aryenne*, trans. R. G. Fowler.

[5] *Человек не господин сущего. Человек пастух бытия. В этом «меньше» человек ни с чем не расстаётся, он только приобретает, прикасаясь к истине бытия. Он приобретает необходимую бедность пастуха, чье достоинство покоится на том, что он самим бытием призван к сбережению его истины. Этот призыв приходит как тот бросок, из которого происходит брошенность бытия – вот. Человек в своей бытийно-исторической сути есть сущее, чье бытие, будучи экзистенцией, заключается в обитании вблизи бытия. Человек – сосед бытия.* (Martin Heidegger, *Letter on Humanism*, 1964)

Библиотека Велесова Слобода, 2022 г.